

Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 2. С. 101–107. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 2, pp. 101–107. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09“20”

EDN IUWFJS

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-101-107>

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЭМИГРАЦИЯ И «РУССКАЯ АКЦИЯ ПОМОЩИ» ЧЕХОСЛОВАЦКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Азаров Юрий Алексеевич, доктор филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, gmammoth@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2897-5526>

Аннотация: Статья посвящена особенностям сформировавшегося в начале 1920-х гг. в Праге литературного центра русской эмиграции. Подчеркивается, что благодаря правительственной поддержке, оказанной в рамках «Русской акции помощи», были основаны десятки эмигрантских учреждений и организаций, которые своей главной задачей считали удовлетворение культурных, в том числе литературных запросов эмигрантов. С Прагой непосредственно связано зарубежное творчество литераторов, критиков, историков и публицистов, чье наследие составило весомый вклад не только в российскую, но и в мировую культуру. Здесь обосновались многие писатели, значительная часть которых оставалась в Чехословакии до конца жизни. Среди них А.Т. Аверченко, А.Л. Бем, В.Ф. Булгаков, Б.А. Евреинов, Д.М. Ратгауз, П.А. Кожевников, Вас.И. Немирович-Данченко, М.И. Цветаева, Е.Н. Чириков, К.А. Чхеидзе, Р.О. Якобсон. Президент Масарик, знаток творчества Достоевского, не сомневался, что советская власть уйдет в прошлое, поэтому в среде эмиграции необходимо сохранить русскую интеллигенцию, которую он считал главным носителем и распространителем демократических идей.

Ключевые слова: литература русской эмиграции, Русская Прага, Т.Г. Масарик, Русская акция помощи, М.И. Цветаева, И.А. Бунин.

Для цитирования: Азаров Ю.А. Литературная эмиграция и «Русская акция помощи» чехословацкого правительства // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 2. С. 101–107. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-101-107>

Research Article

RUSSIAN ÉMIGRÉ LITERATURE AND THE “RUSSIAN HELP ACTION” OF THE CZECHOSLOVAK GOVERNMENT

Yuri A. Azarov, Doctor of Philological Sciences, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, gmammoth@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2897-5526>

Abstract. The article is devoted to the features of the phenomenon that was formed in the early 1920s in Prague, the Russian émigré literary centre. It is emphasised that thanks to the government support provided within the framework of “The Russian Help Action” dozens of émigré institutions and organisations were founded, which considered their main task to satisfy the cultural, including literary, needs of the exiles. The exile work of writers, critics, historians and publicists was directly connected with Prague, as their heritage had made the important contribution not only to Russian but also to the world culture. Many writers settled there and the significant part of them remained in Czechoslovakia until the end of their lives. Among them were Arkady Averchenko, Alfred Bem, Valentin Bulgakov, Boris Yevreinov, Daniil Ratgauz, Pyotr Kozhevnikov, Vasily Nemirovich-Danchenko, Marina Tsvetaeva, Evgeny Chirikov, Konstantin Chkheidze, Roman Jacobson. Tomáš Garrigue Masaryk, being an expert on Fyodor Dostoevsky’s creative activity, had no doubt that Soviet power would become a thing of the past, therefore in his opinion it was necessary to preserve Russian intelligentsia in exile, which he considered the main bearer and propagator of democratic ideas.

Keywords: Russian émigré literature, Russian Prague, President TGM, Russian Help Action, Marina Tsvetaeva, Ivan Bunin.

For citation: Azarov Yu.A. Russian émigré literature and the “Russian Help Action” of the Czechoslovak government. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 2, pp. 101–107 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-101-107>

В 1920-х гг. в Чехословацкой республике развернулась одна из наиболее крупномасштабных программ в истории помощи беженцам из России, которая сыграла определяющую роль в формировании в Праге литературного центра русской послереволюционной эмиграции.

С Прагой непосредственно связано зарубежное творчество литераторов, критиков, историков и публицистов, чье литературное и научное наследие составило значительный вклад не только в российскую, но и мировую культуру. Здесь обосновались многие русские писатели, общественные деятели, философы и ученые, значительная часть которых оставалась в Чехословакии до конца жизни. Среди них А.Т. Аверченко, А.Л. Бем, В.Ф. Булгаков, Б.А. Евреинов, Д.М. Ратгауз, П.А. Кожевников, Вас.И. Немирович-Данченко, М.И. Цветаева, Е.Н. Чириков, писатель и философ К.А. Чхеидзе, историк литературы и фольклорист Е.А. Ляцкий, Р.О. Якобсон, историки А.А. Кизеветтер и В.А. Мякотин.

1 августа 1922 г. после недолгого пребывания в Германии в Чехословакию приехала Марина Цветаева вместе с дочерью и С.Я. Эфроном, с которым она встретила в Берлине. В то время в Праге сложилась близкая ей литературная среда, появилась возможность публиковаться, в Чехословакии она получала ежемесячное «иждивение» в 1000 крон. Именно здесь удалось наладить жизнь ранее разделенной семьи, а Эфрон поступил на философский факультет Карлова университета. Цветаева входила в редколлегию сборника Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии «Ковчег», в которой она работала совместно с профессором С.В. Завадским и В.Ф. Булгаковым.

Цветаева полюбила Прагу, куда, поселившись в пригороде, часто ездила по литературным делам, и в особенности Влтаву и Карлов мост со статуей стерегущего реку «бронзового рыцаря» Брунсвика. Ее отношение к Праге выразилось в «Стихах к Чехии» (1938–1939), в их торжественной символике, парадоксальных и мистических образах. К Праге она испытывала особое чувство, хотя чешская культура, как и чешский язык, оставались для нее чуждыми. В течение трех с небольшим лет Цветаевой пришлось переменить несколько мест – на какое-то время удалось поселиться в Праге, но снимать квартиру в столице оказалось не по средствам. Поэтому приходилось искать жилье на окраинах, в пригородах, деревнях. Среди них Вшеноры, где 1 февраля 1925 г. родился сын Георгий (Мур):

Край всего свободнее

И щедрей всего.

Эти горы – родина

Сына моего.

(«Стихи к Чехии», 1938) [Цветаева: 457].

М. Слоним, считавший себя убежденным поклонником поэтического таланта Цветаевой, пригласил ее сотрудничать с «Волей России». С редакцией журнала сложились теплые отношения, на его страницах были опубликованы поэмы «Крысолов» (1925), стихотворение «Полотерская» (1924), «Попытка комнаты» (1926), воспоминания о В. Брюсове (1925), многие стихотворения. В журнальных рецензиях цветаевское творчество всегда рассматривалось как одно из наиболее значительных явлений русской поэзии XX в. Студенческий журнал «Своими путями», с которым поэтесса была связана через его активного участника Эфрона, также постоянно печатал ее стихи. Проведя в Чехии три года и три месяца, Цветаева в ноябре 1925 г. уехала в Париж.

Особенности феномена русской литературной Праги вряд ли возможно объективно оценить в отрыве от контекста исторических предпосылок формирования здесь центра русского зарубежья – одного из наиболее значительных в Восточной Европе. Немаловажную роль сыграло также отношение к России первого президента Чехословакии Томаша Гаррига Масарика и ее первого премьер-министра Карела Крамаржа [Серрапионова: 60–65].

Именно благодаря их усилиям в течение первой половины 1920-х гг. здесь сложились благоприятные условия для развития эмигрантской литературы, культуры и науки. Следует отметить и то, что эмиграция оказывала значительное влияние на культурную, общественную и в первую очередь научную жизнь в Чехословацкой республике. Можно согласиться с составителями сборника документов по истории русской и украинской эмиграции, утверждающими, что появление русских и украинских беженцев в Чехословакии «... не было явлением случайным для чехословацкого общества. Прежде всего, это было результатом того позитивного восприятия России, которое сформировалось в среде чешской и словацкой общественности еще со времен национального возрождения. Подобное восприятие России основывалось на идее славянской взаимности и, прежде всего, на убеждении в том, что именно она должна освободить угнетенные славянские народы. Русофильство стало неотъемлемой частью чешской политики еще со времен австро-венгерского господства» [Документы: 7].

Особенности русской Праги характеризует чешский исследователь Иван Савицкий, потомок эмигрантов первой волны [Савицкий 2008: 49–62]. По его мнению, главная особенность русской колонии состояла в том, что Чехословакия являлась единственной страной, которая последовательно формировала «свою» эмиграцию. Политика властей по отношению к эмигрантам раскрывается благодаря сохранившимся документам: циркуляры, разосланные в посольства ЧСР, категорически предпи-

сывали не выдавать въездных виз представителям определенных категорий, среди которых назвались активные монархисты [Документы: 26]. Таким образом, на въезд «нежелательных» лиц были наложены ограничения; с другой стороны, персонам, соответствовавшим требованиям «режима наибольшего благоприятствования», выдавались официальные приглашения. Савицкий неоднократно подчеркивает, что данными обстоятельствами определялась основная отличительная черта Праги как литературного центра зарубежья.

По мере увеличения масштаба исхода из России стали появляться государственные и общественные организации, занимавшиеся проблемами беженцев. К началу 1921 г. подобных организаций насчитывалось 14 [Документы: 19]. Тогда же начала осуществляться «Русская акция помощи» (чеш. “Ruská rotopsná akce”), программа которой была официально одобрена правительством 28 июня 1921 г. Проведение акции осуществляло Министерство иностранных дел ЧСР, которое определяло принципы работы и размеры денежных дотаций. В целом на поддержку эмиграции правительство выделило больше средств, чем все другие европейские страны, взятые в целом. Бюджет акции составил более полумиллиарда крон, т.е. 5% среднегодового бюджета республики за 1919–1938 гг. [Документы: 9].

Предполагалось, что акция будет охватывать несколько направлений и осуществляться не только на территории Чехословакии. Среди заграничных получателей средств числились организации, школы, периодические издания и персонально писатели и представители науки и культуры [Серапионова: 62]. В значительной мере она была нацелена на поддержку творческой интеллигенции.

Акция имела и другие особенности, обусловленные политической позицией чехословацких властей. Планировалось, что программа, помимо всего прочего, будет направлена на поддержку демократических сил в среде эмиграции, прежде всего эсеров, для которых создавались наиболее благоприятные условия. На основании тайного соглашения, заключенного в июле 1920 г. между А.Ф. Керенским и Бенешем, эсерам были выделены значительные средства. Благодаря чехословацкой поддержке они получили возможности для самой широкой литературной, пропагандистской и политической деятельности – с целью «организации и сплочения демократических сил внутри России» для свержения большевиков и развития «принципов мартовской революции 1917 года» [Савицкий 2008: 49]. Значительная финансовая помощь оказывалась периодической печати, в основном печатным органам, руководство которыми осуществлялось эсерами. До начала Второй мировой войны только в Праге выходило около 100 русскоязычных

журналов и 200 газет [Harbulová: 24]. Непосредственное финансирование МИДа ЧСР способствовало появлению не только газеты «Революционная Россия» (Юрьев, Париж, Прага), но и созданию таких крупных периодических изданий зарубежья, как «Воля России» (Прага, Париж), «Современные записки» (Париж), получивших широкую известность в качестве общественно-политических и одновременно важнейших литературных изданий.

Чешский исследователь Зденек Сладек объективно подчеркивает гуманитарный и одновременно политический характер «Русской акции помощи» [Документы: 8]. Так, Масарик не сомневался, что большевизм в России рано или поздно уйдет в прошлое, поэтому в среде эмиграции необходимо «собрать, сберечь и поддержать остаток культурных сил», сохранить русскую интеллигенцию, которую он считал главным носителем и распространителем демократических идей [Документы: 8]. В Праге открыл прием студентов Русский народный (свободный) университет, в котором в пору пика его деятельности обучалось до 5 тыс. слушателей.

Помощь со стороны чехословацких властей распространялась и на литераторов, писателей и деятелей культуры, проживавших в других странах. До начала 1930-х гг. из Праги получали денежные пособия постоянно находившиеся во Франции К.Д. Бальмонт, И.С. Шмелев, А.М. Ремизов и другие. Среди тех, кому оказывали поддержку чехословацкие власти, был И.А. Бунин. Так, в октябре 1921 г. он обратился к Масарику с письмом, в котором, сетуя на нужду и невозможность жить на гонорары – «по причине крайней бедности русских периодических изданий» [Документы: 28, 29], просил о материальной помощи. Просьба была удовлетворена – в качестве «дара» от республики писатель получил значительную сумму – 50 тыс. чешских крон. После обращения к Масарику в 1926 г. в течение пяти лет ежемесячную «ренту» получал и Д.С. Мережковский, выразивший свои чувства в благодарственном ответном письме, в котором, в частности, писал: «Друзья узнаются в несчастье. Мы, русские изгнанники, узнали, что чешский народ – наш друг» [Документы: 93].

У «Русской акции помощи», как и у русской литературной Праги, была своя предыстория, начавшаяся задолго до революции. В будущем именно она во многом определяла политику властей Чехословацкой республики по отношению к писателям и эмигрантам. Нельзя не согласиться с Савицким, что с этой точки зрения необходим экскурс в историю Гражданской войны в России и одновременно характеристика той роли, которую играл в ней Масарик и Чехословацкий корпус (легион), сформированный из военнопленных чехов и словаков. По существу это была созданная благодаря России национальная

армия, составившая основу будущего независимого государства [Савицкий 2002: 98].

Действительно, связь с Россией прослеживается на самых разных этапах борьбы за независимость в Чехословакии. Специфика освободительного движения в период Первой мировой войны состояла в том, что оно развивалось не на национальной территории, а за ее рубежами. Будущая революция опиралась на культурную и, прежде всего, литературную традицию и представлялась не только как национальная, но и республиканско-демократическая, движимая идеей противостояния диктатуре Вены и Будапешта. Характер и причины «заграничной» революции, как и революционного движения в самой Чехии, с учетом определяющей роли ее культурно-литературной традиции, раскрыты в статье Бенеша, написанной для «Воли России». В ней, в частности, отмечалось: «Наша борьба на родине была... массовой, народной, крайне демократической. Весьма характерно, и это необходимо усиленно подчеркнуть, что первым ее ясным выражением были писатели. Вся наша литература с эпохи Возрождения проникнута идеями революции, национальной свободы и демократических идеалов» [Бенеш: 32].

Личность Масарика, можно сказать, приобрела символическое значение для чехословацкой революции. Знаком не только славянской, но и мировой литературы, он стремился к созданию либеральной многопартийной демократии с участием национальных меньшинств. Наиболее известным биографом Масарика стал Карел Чапек – после 1925 г. между ними сложились дружеские отношения, именно Чапек внес наибольший вклад в формирование «мифа о Масарике».

Мировоззрение будущего президента сложилось еще в ранней юности, начало его жизненного пути во многом типично для представителя славянских народов, в полной мере испытывавших не себе гнет Австро-Венгерской монархии. «Сплошное нищество было» – таков лейтмотив записанных Чапек воспоминаний Масарика об отчем доме, опубликованных в «Воле России» [Чапек: 229].

В 1876 г. Масарик окончил Венский университет, получив ученую степень доктора философии (диссертация была посвящена суициду как социальному явлению, что во многом послужило причиной интереса к творчеству Достоевского), потом работал в Лейпциге, преподавал в Вене, а в 1882 г. вернулся на родину, где получил место профессора Карлова университета. Масарик любил русскую литературу и хорошо ее знал, был автором трудов о русских писателях, прежде всего о Достоевском, в 1887, 1889, 1910 гг. посещал Россию, встречался с Л.Н. Толстым и М. Горьким. Ряд его трудов посвящен истории философии, истории и литературе, среди них статья «Очерк о Ф.М. Достоев-

ском» (1892), книга «Этюды по русскому вопросу. Борьба Достоевского с русским нигилизмом» (1906). России посвящен трехтомный труд «Россия и Европа», впервые опубликованный в 1913 г. в Германии на немецком языке. В предисловии к I тому автор признавался, что Россия была и остается для него наиболее любопытной страной, а русская литература привлекает своей философской глубиной и стремлением к духовному самосовершенствованию: «Россия интересовала меня с юных лет. Мое познание этой страны началось со знакомства с ее литературой. Поначалу довольствуясь переводами, а позже выучив русский язык, я составил на основе сочинений русских писателей представление об этой стране, которое постарался затем дополнить изучением исторических и прочих источников, а также во время посещения Российской империи. Цель данной работы – постичь Россию изнутри, через русскую литературу, а так как я долгое время уделял внимание Достоевскому, и его анализу России, то, по существу, вся эта работа посвящена Достоевскому» [Масарик: 3].

Первоначально автор предполагал изложить размышления о России и революционном движении с помощью подробного анализа мировоззрения Достоевского, однако в процессе работы его план существенно изменился. Появилось убеждение, что одна из главных особенностей русской литературы состоит в ее прочной связи с философией, историей и социологией, не менее тесно она соприкасается и с политикой. В условиях гнета царизма литература вынужденно превратилась в некое подобие относительно свободной политической трибуны.

Литературно-исторические штудии неизменно привлекали внимание Масарика в его научной и политической деятельности. В 1883 г., год спустя после перехода в Карлов университет, он основал журнал «Атенеум. Страницы литературной и научной критики», в котором выступил с сенсационным разоблачением нескольких литературных фальсификаций. Речь шла о «средневековых» Краледворской и Зеленогорских рукописях (сюжет последней положен в основу оперы Бедржиха Сметаны «Либуше»), якобы обнаруженных адептом чешского возрождения Вацлавом Ганкой. Рукописи были искусно стилизованы под народный эпос, благодаря чему получили широкую известность. Однако Масарик, будучи сторонником правил научной этики, справедливо считал, что истинный патриотизм не может быть основан на подлоге. С годами он приобрел репутацию крупнейшего специалиста в области славистических исследований – читал лекции в разных учебных заведениях, а Императорский Санкт-Петербургский университет избрал его почетным профессором.

Таким образом, отношение Масарика к России во многом связано с Достоевским, взгляды которого,

по его убеждению, с философской точки зрения отражают и объясняют глубинную сущность русской души и русского характера. В том же ключе писал о Масарике-литературоведе и пражский профессор А.Л. Бем в статье «Осуждение Фауста (Этюд к теме “Масарик и русская литература”): «Итак – преодоление Фауста, вот задача славянской литературы в понимании Масарика (курсив А.Л. Бема. – Ю.А.). И ту литературу, в которой он уже видел практическое осуществление этой мировой задачи, он особенно ценил. Это – литература русская во главе с Достоевским и Толстым» [Бем: 165]. Как Достоевист Бем, безусловно, согласен с Масариком – никто из русских писателей не анализировал столь внимательно духовную составляющую своего народа и не пытался связать историю и социальные особенности русской жизни.

Интерес Масарика к славянству, как отмечал Ярослав Папоушек в статье «Масарик и славянство», проявился еще в юношеском возрасте, одновременно с осознанием собственной национальной принадлежности. Известно, что еще в гимназические годы он начал изучать польский и русский языки, его первое путешествие по Польше и России относится к концу 1880-х гг. После поездки появился целый ряд научных работ, посвященных народам этих стран. Одна из них, опубликованная в еженедельнике «Час», содержала размышления о Достоевском; в ней он пришел к убеждению, что «Достоевский является серьезнейшим человеком, какого мы себе только можем представить» [Папоушек: 279].

Ключевые особенности восприятия Масариком славянства, по мнению Папоушека, состоят в следующем. Политическая или военная составляющие отнюдь не являются главным содержанием жизни народа. Например, сравнительное изучение «Фауста» и «Братьев Карамазовых» дает нам значительно больше знаний о национальном характере русского или немца, чем десятки громких заявлений славянских или немецких патриотов. Таким образом, Масарик прежде всего обращает внимание на то, что разделяет славян, что мешает осознанию родства превратиться в культурное и, может быть, политическое единство. Препятствия для объединения славян он видит в двух факторах: прежде всего это факторы географического положения, но главным образом ревнивое отношение славянских народов к своей индивидуальности.

Говоря о «Русской акции помощи», следует затронуть вопрос, до настоящего времени остающийся без однозначного ответа. На протяжении более чем столетия вопрос о судьбе так называемого «колчаковского золота», т.е. части золотого запаса бывшей Российской империи, оказавшейся под контролем правительства Колчака, неизменно вызывает интерес историков, писателей и журналистов, порождая

множество публикаций, в которых высказываются самые противоположные точки зрения. Можно предположить, что русские студенты, получившие возможность учиться в Чехословакии, не задумывались о происхождении средств, без которых эта программа не могла бы состояться, как и многие писатели или ученые.

Однако данный вопрос привлек внимание И.А. Бунина. «Подвигам» Чехословацкого легиона, совершенным в Сибири, посвящена его статья «Чехи и эсеры», написанная после знакомства с документами, обнародованными в русской газете в Японии «Дело России» (Токио, 1920). Они произвели на него глубочайшее впечатление, о чем он писал со свойственной ему эмоциональностью. Его статья, опубликованная в издававшейся В.Л. Бурцевым парижской газете «Общее дело», могла бы рассматриваться как одна из версий происхождения средств, на которые осуществлялась акция помощи.

Эпизоды «этой страшной для России и поучительной истории» [Бунин 1920: 2], ставшей известной благодаря «Делу России», легли в основу размышлений об истоках теплых отношений между чехословацкими властями и эсерами, оказавшимися посредниками в осуществлении «Русской акции помощи». Факты, изложенные в статье, свидетельствуют о том, что легионеры вывезли из России немалые ценности. Вероятно, к ним могла попасть и какая-то часть золотого запаса Российской империи, находившегося в эшелоне, который следовал за поездом адмирала Колчака. Бунин, всегда отличавшийся бескомпромиссностью, когда речь заходила о послеоктябрьской истории России, писал: «Читаю японскую газету “Дело России”... Ужасные документы печатаются там! <...> В чем выразилась тогда, т.е. весной 1918 года, борьба чехов против большевиков? Да почти ни в чем, говорит “Дело России”: боевых сил у большевиков тогда в Сибири не было, а кроме того, целый ряд городов – Челябинск, Омск, Иркутск – был очищен от большевиков исключительно русскими офицерами и добровольцами. Это не мешало, однако, чехам входить в эти города победителями, принимать овации населения, а затем тотчас же приступать к реквизиции русского казенного имущества, якобы для военных нужд. <...> Какую роль могли сыграть чехи в деле возрождения России! Но, увы, о благе ее они думали менее всего, – вся деятельность их вождей была проникнута политиканством да беззастенчивой спекуляцией (курсив Бунина. – Ю.А.); и судьбу свою они связывали исключительно с эсерами» [Бунин 1920: 2].

Осуждение того, что творилось легионерами, определяет основной пафос статьи Бунина. Чехословацкие «союзники» сыграли роковую роль в судьбе Колчака, о котором Бунин писал, что «золотыми

письменами... будет начертано Его имя в летописи Русской Земли» [Бунин 1921: 2]. Сначала они помогали Колчаку и даже обеспечили поддержку его сибирской армии в боях против большевиков. Но именно чехи впоследствии выдали «верховного правителя» в обмен на гарантии безопасности и свободного выезда за пределы России.

В течение ряда лет отношения между СССР и Чехословацкой республикой регулировались временным соглашением 1922 г., которое не предусматривало признания де-юре. Однако в условиях изменившейся международной обстановки и угрозы агрессии фашистской Германии правительство было вынуждено пойти на нормализацию отношений с СССР. 9 июня 1934 г. состоялся обмен нотами об установлении дипломатических отношений. В дальнейшем общая заинтересованность обеих стран в сохранении мира привела к более тесному сближению – в 1935 г. в Праге был подписан Договор о взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических республик и Чехословацкой республикой. Подобное сближение не могло не сказаться на судьбе литературной эмиграции, помощь которой была прекращена или почти прекращена. Тем не менее, русские организации продолжали свою деятельность, работали и учебные заведения, хотя прежнего размаха уже не было и не могло быть. Некоторые из них сохранились вплоть до 1945 г., который считается исследователями концом феномена русской литературной Праги.

Список литературы

- Бем А.Л. Осуждение Фауста (Этюд к теме «Масарик и русская литература») // Бем А.Л. Исследования. Письма о литературе / сост. С.Г. Бочаров; предисл. и коммент. С.Г. Бочарова и И.З. Сураг. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 110–127.
- Бенеш Э. Смысл чешской революции // Воля России. 1923. № 8–9. С. 16–37.
- Бунин И.А. Его вечной памяти // Общее дело. 1921. 7 февраля.
- Бунин И.А. Чехи и эсеры // Общее дело. 1920. 24 декабря.
- Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1918–1939) / сост. Сладек З., Белошевская Л., предисловие З. Сладека. Прага: Славянский институт АН ЧР, издательство «Еурославика», 1998. 768 с.
- Масарик Т.Г. Россия и Европа. СПб.: РХГИ, 2000. 448 с.
- Папоушек Я. Масарик и славянство // Воля России. 1930. № 3. С. 277–286.
- Савицкий И. Прага и зарубежная Россия (очерки по истории русской эмиграции 1918–1938 гг.). Прага: IDEG PRAGUE, 2002. 151 с.
- Савицкий И. Начало «Русской акции» // Новый журнал. 2008. № 251. С. 49–62.
- Серापionoва Е.П. Т.Г. Масарик, К. Крамарж и русская эмиграция // Славяноведение. 2003. № 4. С. 60–65.
- Цветаева М.И. Стихи к Чехии // Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1990. С. 455–468.
- Чанек К. Беседы с Т.Г. Масариком. М.: МИК, 2000. 277 с.
- Harbulová L. Ruská porevolučná emigrácia v Európe a vo svete. Centrá a činnosť pooktóbrovej politickej emigrácie z Ruska v rokoch 1918–1945. Prešov: Metodické centrum, 1999. 46 s.

References

- Bem A.L. *Osuzhdenie Fausta (Etiud k teme “Masarik i russkaia literatura”)* [The condemnation of Faust (Etude for the theme “Masaryk and Russian Literature”)]. Bem A.L. *Issledovaniia. Pis'ma o literature* [Research. Letters on literature], comp. S.G. Bocharov; pref. and comment S.G. Bocharova, I.Z. Surat. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2001, pp. 110–127. (In Russ.)
- Benesh E. *Smysl cheshskoi revoliutsii* [The meaning of the Czech revolution]. *Volia Rossii* [The will of Russia], 1923, No. 8–9, pp. 16–37. (In Russ.)
- Bunin I. *Ego vechnoi pamiati* [To his eternal memory]. *Obshchee delo* [The common cause], 1921, 7 February. (In Russ.)
- Bunin I. *Chekhi i esery* [Czechs and Socialist Revolutionaries]. *Obshchee delo* [The common cause], 1920, 24 December. (In Russ.)
- Dokumenty k istorii russkoi i ukrainskoi emigratsii v Chexoslovatskoi respublike (1918–1939)* [Documents on the history of the Russian and Ukrainian emigration in the Czechoslovak Republic (1918–1939)], comp. Sladek Z., Beloshevskaja L. pref. by Z. Sladek. Praga: Slavianskii institut AN ChR; “Euroslavika” Publ., 1998, 768 p. (In Russ.)
- Masarik T.G. *Rossia i Evropa* [Russia and Europe]. St. Petersburg, RHGI Publ., 2000, 448 p. (In Russ.)
- Papoushek Ia. *Masarik i slavianstvo* [Masaryk and the Slavs]. *Volia Rossii* [The will of Russia], 1930, No. 3, pp. 277–286. (In Russ.)
- Savitskii I. *Praga i zarubezhnaia Rossiia (ocherki po istorii russkoi emigratsii 1918–1938 gg.)* [Prague and foreign Russia (essays on the history of Russian exile, 1918–1938)]. Prague, IDEG PRAGUE Publ., 2002, 151 p. (In Russ.)
- Savitskii I. *Nachalo “Russkoi aktsii”* [The beginning of the “Russian Action”]. *Novyi zhurnal* [The new review], 2008, No. 251, pp. 49–62. (In Russ.)
- Serapionova E.P. *T.G. Masarik, K. Kramarz i russkaia emigratsiia* [T.G. Masaryk, K. Kramarz and the Russian emigration]. *Slavianovedenie* [The Slavonic studies], 2003, No. 4, pp. 60–65. (In Russ.)

Tsvetaeva M.I. *Stikhi k Chekhii. Stikhotvoreniia i poemy* [Poems for the Czech country. Verses and poems]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1990, pp. 455–468. (In Russ.)

Chapek K. *Besedy s T.G. Masarikom* [Conversations with T.G. Masaryk]. Moscow, MIK Publ., 2000, 277 p. (In Russ.)

Harbulová L. Ruská porevolučná emigrácia v Európe a vo svete. Centrá a činnosť poaktóbrovej politickej emi-

grácie z Ruska v rokoch 1918–1945. Prešov, Metodické centrum Publ., 1999, 46 p. (In Czech)

Статья поступила в редакцию 11.05.2024; одобрена после рецензирования 27.05.2024; принята к публикации 30.05.2024.

The article was submitted 11.05.2024; approved after reviewing 27.05.2024; accepted for publication 30.05.2024.